Л.М. Дробижева

Опыт национализма и демократизация в республиках Российской Федерации

Чем дольше мы живем в постсоветском обществе, тем больше наблюдаем разнообразия в проявлениях национализма, его прямой и обратной связи с демократическими процессами в нашей стране. На конференции "Этничность, федерализм и переход к демократии в Российской Федерации" в ноябре 1993 (г. Стэнфорд) Ф. Шмиттер утверждал, что национализм это явление переходного периода. Он говорил о негативных проявлениях и последствиях национализма и считал, что демократия несовместима с национализмом, и она вообще ставит под вопрос и национальное самосознание, и государственные деления по этническому признаку. Но вместе с тем он ссылался на Джона Холла, который выделил разные типы национализма[1].

Работа над проектом "Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и конфликты в Российской Федерации", результаты которой анализируются в статье, были начаты в 1993 г., когда российское общество уже видело последствия национализма в бывших союзных республиках - этнические чистки, насильственные межэтнические конфликты. Только начав понимать национализм в трактовке

Э.Геллнера как стремление к самостоятельной государственности, политики и ученые снова стали переходить к оценочному негативному пониманию данного феномена.

Наша задача состояла в том, чтобы: 1. показать реальное лицо национализма, его разнообразие в типах и тех формах, которые проявлялись в жизни Российской Федерации первой половины последнего десятилетия XX века; 2. установить, насколько широко распространены различные идеи национализма в массовом общественном мнении, т.е. на конкретном материале ответить на вопрос: современный национализм в Российской Федерации это только" надежда этнических лидеров" или настроения масс, какова его реальная социальная база; 3. выяснить каков потенциал сепаратистских настроений; 4. выявить основные переменные, которые влияют на национализм и прежде всего, для какого круга людей национализм стал не только общественной, но и глубоко личностной ценностью; наконец, 5. оценить реальность альтернатив национализму на российской почве, могут ли стать ценности гражданского общества такой альтернативой; как соотносятся ориентации на национализм с ценностями демократического общества и установками на модернизацию в республиках, наиболее далеко зашедших в реализации идей национализма.

Исследование проходило в четырех республиках Российской Федерации, в которых наиболее очевидно, а в некоторых случаях даже в конфликтной форме? проявлялся национализм: в Татарстане, в Туве, в Саха(Якутии), в Северной Осетии.

Республикой, наиболее полно обосновавшей идеи суверенитета, был Татарстан. В программных документах ВТОЦ - Всесоюзного (затем Всероссийского) Общественного Центра - были обоснованы идеи "полноты суверенитета", построения правового государства, экономического фундамента независимости (приватизация, создание татарского национального банка и т.д.), культурного возрождения[2] . В Конституции, принятой в Татарстане, говорится о Татарстане как о независимом государстве, находящемся на ассоциированном членстве в Российской Федерации.

В Татарстане существует и крайне радикальное национальное движение "ИТТИФАК", которое и сейчас не признает членства в составе Российской Федерации. В целом про Татарстан можно говорить как о республике, в которой имело место относительно массовое национальное движение.

Опрос в республике проходил сразу после подписания Договора между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан (15 февраля 1994 г.). Договор подписан на основе Конституции РФ и Конституции РТ. Несмотря на то, что оппозиция Президенту М.Шаймиеву критиковала Договор, почти 60% татар и 70% русских, как показал опрос, одобряют его.

В Туве такого активного как в Татарстане национального движения не было. Но политическая элита, используя опыт бывших союзных республик и Татарстана, и опираясь на недовольство экономическим положением большинства населения в республике, на реанимированную историческую память о сравнительно недавней (до 1944 г.) самостоятельной государственности, добилась принятия Конституции, фиксировавшей право выхода республики из состава Российской Федерации, что не соответствует новой Российской Конституции.

В Саха (Якутии) Конституция, принятая еще в 1992 г., фиксирует республику как суверенное государство, вошедшее в Российскую Федерацию на основе Федеративного Договора, т.е. сохраняющее за собой право выхода в порядке, установленном Договором.

И Тува, и Саха (Якутия) после принятия Российской Конституции в свои Конституции изменений не вносили, но государственные органы Саха (Якутии) подписали с государственными органами РФ Договор подобный тому, что уже был подписан Татарстаном и Башкортостаном. В выступлениях Президента Саха(Якутии) М.Е.Ни-колаева и других политических лидеров акцентируется внимание на двух идеях: идее реализации приоритетного права республики на природные ресурсы, фиксированного в Конституции, и идее развития межгосударственных внешнеполитических отношений.

Саха(Якутия) претендует на лидерство среди северных государств. М.Е. Николаев является сопредседателем Международного Северного Форума - организации, предоставляющей народам Арктики коллективную международную трибуну через ООН[3].

Предельно четко выразил свои идеи М.Е.Николаев в марте 1994 г.: "Главное для нас экономика... первое - это формирование государственности республики, установление бескорыстных доверительных отношений в Российской Федерации на конституционно-договорной основе; второе - создание подлинно самостоятельной, высокоэффективной экономики, способной действовать на равных условиях рыночных отношений и интегрироваться в мировое хозяйство; третье - это духовное возрождение народа[4].

Совершенно иные условия в Алании - так теперь называется республика Северная Осетия. Центр всей идеологической и психологической ориентации здесь связан с насильственным конфликтом с ингушами из-за территориальных споров (ингуши как депортированный в сталинское время народ претендует на часть территории Северной Осетии, включая часть ее столицы). Идеи государственной самостоятельности в ней стимулировались в те моменты, когда Федеральное правительство недостаточно, по мнению лидеров, защищало интересы Северной Осетии перед Грузией в отношении южных осетин, которые хотели воссоединиться с северными и войти в состав РФ, а также в тех случаях, когда Российское Правительство открыто защищает интересы ингушей. В целом же осетины, в том числе элита, декларируют тесную связь с Российской Федерацией. Новая Конституция Северной Осетии, принятая уже после Российской, не содержит явных противоречий с ней.

Основными источниками для анализа являлись результаты этносоциологических опросов населения [5].

Кроме того, был использован метод развернутых свободных интервью по единой программе, которые были взяты у 30 лидеров в каждой республике (далее этот источник называется "интервью лидеров"). Отбор лидеров осуществлялся на основе списка тех лиц, которые назывались респондента-

ми, отвечавшими на вопрос: "Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает сейчас интересы Вашего народа?". Затем этот список был скорректирован на основе мнений экспертов, в качестве которых выступали представители официальных структур и оппозиционных течений, партий, специалисты по межэтническим отношениям.

Кроме того, использовались материалы официальных документов, прессы, литература, выступления лидеров, документы неформальных объединений.

Анализ всех материалов позволил установить пять типов национализма:

Первый. Классический этноприоритетный национализм, ориентированный на независимое государство и доминирующую роль титульного этноса в нем. Он прослеживался в период апогея национального движения в Татарстане.

Второй. Соотнесенный, паритетный национализм с доминирующей идеей государственной самостоятельности в рамках конфедерации или реального федерализма.

Иногда мы называем эту конфигурацию власти разделенным суверенитетом. Именно такой тип суверенитета сейчас является доминирующим в государственной политике в Татарстане, Саха (Якутии), Туве. Провозглашается верность интересам республики, возрождение языка, культуры титульного этноса, но одновременно декларируется культурный плюрализм и отчасти паритет культур.

Вместе с тем в идеологии национализма в республиках прослеживаются конкретные доминанты. Так в Саха(Якутии) акцентируется внимание на экономическом суверенитете при демонстрации лояльности к Центру. Это дало нам основание выделить **третий** тип национализма - **экономический** (иногда торговый).

В Северной Осетии в идеологии и пропаганде доминируют опасения потери территории или дискриминации южных осетин Грузией. Поэтому осетинский национализм мы считаем возможным квалифицировать как **защитный, оборонительный**. Он преобладает и у ингушей. Это **четвертый** тип.

Наконец, анализ выступлений политических лидеров Центра и ученых, обеспечивающих их идеологически, дал осно-

вание для выделения **пятого** типа национализма - **модернизационного** или **реформаторского**. Например, в команде Е.Гайдара, во всяком случае до 1992 г., разрабатывались идеи преимущества развития России без отстающих колоний.

Любопытно, что в национально-патриотическом движении русских тоже были идеологемы "пора сбросить с себя кусающих соседей"[6]. Иногда крайности сходятся.

Полученные результаты опросов дают возможность проанализировать, насколько разделяются конкретные идеи национализма массовым общественным мнением.

Более радикальные идеи о суверенитете с правом выхода из состава Российской Федерации разделяют от 27 до 38% представителей титульных этносов (см. рис. 1). В наибольшей мере эту идею поддерживают татары и осетины, в наименьшей - тувинцы и саха.

Обратим внимание на то, что в одно и тоже требование народы вкладывали разное значение. Для татар, как можно судить по результатам интервью, в том числе с лидерами, право выхода - это либо возможный вариант поведения (скажем для сторонников Иттифака), либо подтверждение свободного выбора ими своего статуса в Российской Федерации, способ сдерживания центристских устремлений Москвы

Для осетин право выхода было скорее возможным средством давления на российское руководство в решении территориального спора. Не случайно в принятой Конституции Северной Осетии нет положения ни о суверенности республики, ни о праве выхода.

В программе интервью был контрольный, более "жесткий" вопрос: "Если Вы не согласны с тем, что на территории всех республик безусловно должны действовать положения Конституции Российской Федерации, то с каким решением Вы бы согласились?". В ответах была предусмотрена позиция: вести независимую политику вплоть до выхода из РФ. Так вот эту позицию избрало 13% тувинцев, в Татарстане - 21% татар. Такова база последовательных крайних националистов.

Более широкая поддержка у тех, кто выступает за расширение самостоятельности в пределах Российской Федера-

ции, т.е., условно говоря, “разделенный суверенитет”. Его поддерживало 39% в Туве, 43-64% в Татарстане, Саха (Якутии), Северной Осетии. Мы говорили об условном определении “разделенный суверенитет”, так как среди государствоведов существует точка зрения, что “немного суверенитета” не бывает, тем не менее реально мы его наблюдаем.

Еще шире поддержка идеи "распоряжения ресурсами" (57% в Северной Осетии, 64% в Татарстане, 65% в Туве, 68% в Саха (Якутии). Как видим, идеология экономического национализма находит наибольшую поддержку у титульного народа в Якутии, Туве.

Отметим также, что именно самостоятельность в составе РФ, в распоряжении ресурсами прежде всего, поддерживается в ряде республик и русскими. Свыше 40% русских разделяют такие представления в Татарстане. На основе этого мы можем говорить о формировании в ряде мест этнорегионализма.

Для нас было интересно узнать насколько велика поддержка идей суверенитета в конкретных и может быть даже крайних проявлениях. Индикатором служили ответы на вопрос, о том, кому должны подчиняться силовые структуры. Как видно из рис. 2 около 2/3 опрошенных среди титульных этносов считают, что войска МВД должны быть подчинены республиканским властям. Более половины татар, саха, тувинцев полагают, что и служба безопасности должна подчиняться республиканским властям и, наконец, армия на территории республик, по мнению 40-50% татар, саха, тувинцев, должна тоже подчиняться республиканским властям.

В связи с Чеченским кризисом эти представления актуализировались. В Чувашской республике был издан указ от 11 января 1995 г. "О защите военнослужащих", в котором определен статус военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации и внутренних войск - граждан, проживающих в Чувашской республике, направленный на предоставление республиканским органам права решать вопросы об их участии в конфликтах подобных Чеченскому.

Президент Ельцин Б.Н. отменил этот указ как не соответствующий Конституции Российской Федерации. Однако, на-

строения, отраженные в указе Президента Чувашии, широко распространены в других субъектах РФ[7].

И наше исследование показало, что военные меры для решения споров с республиками не поддерживаются населением. Из рис. 3 видно, что сторонников этого способа решения споров не более 10% не только среди титульных этносов, но и русских в республиках. Наиболее приемлемым способом респонденты считают только переговоры (от 57% в Татарстане до 77% в Саха(Якутии). Другой вопрос об использовании армии, когда насильственный межнациональный конфликт уже имеет место. Те, кто не пережил состояние конфликта в подавляющем большинстве (до 90% и более) считают ненужным использовать армию. 40% среди тех, кто его пережил и сейчас живет в состоянии опасности - это осетины и русские в Северной Осетии - считают возможным ее использование как миротворческой силы[8].

Таким образом, идеи национализма не в крайней форме сецессии, а в виде либо реального федерализма, либо с элементами конфедеративного устройства разделяются более чем половиной респондентов среди титульных народов. У политической элиты в этих республиках есть довольно массовая база. Надо полагать, что непродуманные действия в Федеральном Центре, неэффективность политики реформ, разбалансированность в центральных органах власти может увеличить эту базу.

Социально она дифференцирована: по вопросу возможной сецессии различия между интеллигенцией и работниками физического труда достигают примерно 1/2, 1/3, в Татарстане - 1/4. А по вопросу распоряжения ресурсами между интеллигенцией и квалифицированными рабочими различия небольшие. Среди тувинцев квалифицированные рабочие оказались даже более решительными сторонниками экономического суверенитета. Неквалифицированные рабочие и сельские жители в целом более индифферентны к идеям национализма (табл. 1). Однако, среди саха около половины сельских жителей поддерживают идею распоряжения республиканскими ресурсами.

В этих условиях встает вопрос о возможности выбора поведения политической элиты в республиках. Конструируя новые нации, объединяя прежде всего титульный этнос вокруг идей национализма на этапе борьбы за суверенитет, в момент, когда они осознают негативные последствия сецессии или невозможность ее в современных условиях, лидеры, стоящие у власти, нередко становятся заложниками этих идей, ибо в случае приостановки на каком -то этапе движения в заданном направлении крайние националисты перехватывают эти идеи и манипулируют ими, используя либо депривацию, либо непопулярные действия Центра, как это сейчас мы наблюдали в условиях Чеченского кризиса.

Однако пока действующая властная элита в республиках еще имеет резерв лавирования. Он состоит в том, что идеи сецессии разделяются явным меньшинством и даже идеи разделенного суверенитета паритетного национализма не являются абсолютно доминирующими. Примерно 30% татар, 40% тувинцев готовы пойти на какие-либо жертвы во имя суверенитета кроме войны (на нее готовы не более 1-2%).

И самое главное это то, что когда мы анализируем жизненные ценности на личностном уровне, оказывается, что национальным, этническим интересам люди не придают исключительно первостепенного значения (рис. 4). Лишь в Северной Осетии, где эти интересы связаны с обеспечением повседневного жизненного спокойствия, они стали первостепенными для 32% осетин. Это максимальные показатели. У татар, саха, тувинцев они колеблются в пределах 16-21%.

Таким образом, возможности отступлений и лавирования у республиканских органов власти во взаимоотношениях с Центром еще есть. Тем более что уровень доверия к ним намного выше, чем к общероссийским.

Можно было бы полагать, что относительно низкая актуализация этнических интересов на личностном уровне свидетельствует о процессе демократизации в обществе. Вспомним, что по Ф.Шмиттеру демократия ставит под вопрос этнические интересы, а интересы гражданские становятся ведущими.

Демократия в простейшей интерпретации понимается как власть большинства. Но мы употребляем термин демократизация, подчер-кивая, во-первых, то, что имеется в виду процесс, а не статическое положение в обществе. Во-вторых, в самом проекте мы понимали содержание этого процесса таким, как он представлялся в России. В России же под ним в конце 80-начале 90 гг. подразумевалась отнюдь не только власть народа - большинства (об этом постоянно декларировалось и в Советском Союзе), а то состояние, которое было достигнуто в лучших вариантах цивилизованного гражданского общества. Поэтому демократия принималась как утверждение гражданских свобод, прав человека, как ориентация на индивидуализм, свободу прессы, реальную выборность представительных органов власти, верховенство права, закона.

Было еще две особенности в понимании демократизации в это время. Во-первых, с ней связывали развитие частной собственности как проявление свободы в экономической сфере. К тому же, как уже говорилось, демократизация понималась в варианте лучших образцов гражданского общества, а такое общество связывалось с некоторыми странами Западного мира, в которых люди живут по законам рынка. Таким образом, ориентация на рыночную экономику и частную собственность выступала тоже индикатором установок на демократизацию. Хотя в самом проекте мы все же разделяем понятия: демократизация и модернизация, связывая с последней трансформационные процессы, происходящие прежде всего в экономических отношениях, преобразования в промышленности, сельском хозяйстве, создание современного информационного общества.

Вторая особенность была в том, что с демократизацией связывалась и новая система в межэтнических отношениях, система культурного плюрализма, допускающая свободное волеизъявление народов.

Вот с этой особенностью понимания демократизации связаны многие проблемы пройденного пути - с момента "разумной перестройки" и проблемы будущего.

К этому мы еще вернемся в конце статьи.

Итак посмотрим, как соотносились ценности демократизации и национализма.

Если взять личностный уровень функционирования жизненных ценностей, то опросы показали, что этнические интересы имеют низкие значения, но еще меньшие значения имеют как первостепенные личностные интересы, ценности гражданского общества (рис. 5).

Отвечая на вопрос о проблемах, требующих сейчас особого внимания, - "обеспечение этнических интересов моего народа на уровне власти" называло 17-22% саха, татар, тувинцев, 32% осетин, но "обеспечение прав человека, свободы слова, печати", 8-11% лиц титульных национальностей, "терпимость к партиям, движениям" 14-17%. Лишь у русских ценности политического плюрализма и прав человека конкурируют с национальными, этническими интересами.

Одним из важных элементов является ориентация на частную собственность, собственные силы (индивидуализм).

Так вот, среди сторонников суверенитета внутри РФ и тех, кто считал важным иметь "право на выход из РФ" положительно относились к частной собственности на землю в Татарстане, Саха(Якутии), Туве не меньше и даже немного больше, чем среди унитаристов. В Татарстане и Саха(Якутии) доля ориентированных на частную собственность на землю в 1994 г. была даже больше, чем среди москвичей в 1992 г. - 78-81% в республиках, 64% в Москве[9]. Не отличается заметно отношение к частной собственности и на промышленные предприятия. Сторонников ее среди "националистов" в Татарстане, Саха(Якутии) больше чем, в среднем по массиву.

Среди тех, кто ориентирован на собственные силы и сохраняет уверенность в завтрашнем дне за счет способности заработать, тоже явно преобладают сторонники суверенитета (46-63% против 9% у унитаристов по якутскому, например, массиву).

Среди тех, кто связывает улучшение положения в стране с развитием рыночных отношений, "поддержкой частной собственности", "развитием свобод, защитой прав человека" сторонников суверенитета больше, чем среди "этнических

нейтралов” (различия на 10% и более). Это ценности демократии и показатели готовности к модернизации.

В российских республиках нет пока изоляционизма, по отношению к модернизации. В Татарстане, Саха(Якутии) 75-80% как лиц титульных национальностей, так и русских считают, что России "нужно учитывать опыт других стран". Но есть настороженность к демократизации не только в силу провалов политики “демократов у власти”, но еще и потому, что она ассоциируется с Центром и русификацией.

Признак демократического, гражданского общества - верховенство идей права , в соответствии с которыми закон выше интересов людей и групп. К сожалению, непризнание верховенства Федеральной Конституции довольно значительными группами в Саха(Якутии) (среди городских саха 39% при 29% затруднившихся ответить на вопрос) , в Татарстане (37% при 40% затруднившихся ответить на вопрос) не казался нам точным показателем. Во-первых, потому, что наша новая Конституция для всех россиян не очень легитимна, она создана под данного Президента. Во-вторых, в республиках она отрицала важные положения их конституций и потому многими не поддерживалась. В целом в России мы живем в не совсем правовом обществе. Так длительное время у нас не было Конституционного суда. Поэтому, в более или менее чистом виде, рассмотреть взаимозависимость национализма и права у нас просто нет возможности.

Но у нас есть индикатор, который позволил понять отношение к регулированию общественной сферы через вмешательство государства. В соответствии с принципами гражданского общества вмешательство государства в эту сферу, как известно, встречает оппозицию. Сторонники наведения порядка с привлечением государственных силовых структур фиксировались с помощью вопроса о мерах, способных улучшить положение в стране. Позицию: "восстановление порядка в стране, если надо с привлечением КГБ, МВД, прокуратуры" поддерживало от 40 до 58% саха, тувинцев, татар (в городах). При этом среди сторонников суверенитета эта доля нигде не была больше средних показателей, в Татарстане - даже меньшей.

Что же касается достаточно высокой доли сторонников наведения порядка с помощью государственной машины, то она высока в целом по России. Судя по сентябрьскому 1994 г. опросу ВЦИОМ (Всероссийский Центр изучения общественного мнения) по стране, ответы на вопрос: "Что сейчас больше нужно России: порядок или демократия?" - 76% респондентов ответили "порядок", 8,7% - демократия, 14,7% затруднились в ответе[10]. Среди сторонников порядка, конечно же, немало готовых (по нашей оценке не менее 30-40%) к наведению его жесткими способами. И среди националистов (в Геллнеровском понимании) есть сторонники железной руки, но главным образом они среди тех, кто готов к достижению суверенитета даже с помощью "войны за независимость", т.е. крайних националистов. Таких среди татар, тувинцев, осетин, саха не более 14%.

Мы еще раз напомним читателю, что в данном разделе мы анализировали национализм как принцип стремления этноса к самостоятельной “политической крыше”, своей государственности, но не как идеологию и политику этнической нетерпимости, исключительности. Об этом речь пойдет в других разделах книги.

Итак, результаты исследования со всей очевидностью говорят о важности дифференциации “лица” национализма. Мы выбрали для анализа национализма республики, которые зашли наиболее далеко в его реализации. И даже здесь мы видим, что для большинства социально активной части населения, приемлем мягкий "паритетный" национализм.

При нем нет полной готовности масс к реализации ценности демократического общества, но, как видим, равно в той мере как нет такой готовности и во всем российском обществе. Различие, пожалуй, лишь в мере свободы печати, которой в республиках меньше.

Неготовность к демократизации, во-первых, не означает, что прорыв к ней не сделан. Сам факт возможности реализации каких-то реальных прав субъектами Федерации, а не только республиками, наличие свободной прессы и др. говорит об этом прорыве. Во-вторых, резерв готовности к демократизации не равнозначен готовности к модернизации. По

приведенным результатам (отношению к частной собственности, ориентации на собственные силы, профессионализм и т.п.) к модернизации готовность неодинакова в республиках - в Татарстане, Саха(Якутии) она несколько больше, чем, скажем, в Туве, Северной Осетии, но все же она в целом больше, чем готовность к демократизации, как, видимо, и в целом по России.

Ситуация с демократизацией в республиках зависит от происходящего в Центре. Если в Центре нет продвижения к реальному федерализму и нет понимания интересов республик, а есть враждебность по отношению к ним, то это рождает ответное недоверие и враждебность. Как показывает опыт Чеченской республики, эта враждебность, доведенная до непримиримости, приводит к милитаризованным способам решения проблем сторонами. Но само использование таких способов приводит к милитаризации России в целом, при которой ни о какой свободе говорить не придется. Крайний национализм губит демократию в Центре, милитаризованный национализм Центра погубит ростки демократии в республиках.

Таблица 1.

Предпочтение различных типов суверенитета в зависимости от социально-профессиональной принадлежности (город, % к числу ответивших)

Выступающие за исключительное право распоряжаться ресурсами (%)								
Социальные группы	Татарстан		Саха(Якутия)		Тува		Сев. Осетия	
	Т	Р	Т	Р	Т	Р	Т	Р
Специалисты	64	35	72	31	62	36	57	58
Квалифицированный физический труд	64	42	61	24	74	28	60	55
Неквалифицированный физтческий труд	61	40	58	21	52	30	47	51

Предпочитающие суверенитет в составе РФ (%)								
Социальные группы	Татарстан		Саха(Якутия)		Тува		Сев. Осетия	
	Т	Р	Т	Р	Т	Р	Т	Р
Специалисты	54	45	49	28	40	34	62	35
Квалифицированный физический труд	38	27	38	21	42	34	58	25
Неквалифицированный физтческий труд	32	16	27	16	31	15	-	33

Выступающие за суверенитет с правом выхода из РФ (%)								
Социальные группы	Татарстан		Саха(Якутия)		Тува		Сев. Осетия	
	Т	Р	Т	Р	Т	Р	Т	Р
Специалисты	44	20	27	8	32	12	37	20
Квалифицирован-	34	15	29	5	18	11	32	17

ный физический труд								
Неквалифицирован-ный физтческий труд	32	10	15	0	29	0	26	3

Т - Титульная национальность; Р - Русские.

Рисунок 1.

Предпочтительный тип суверенитета
(татары, якуты, тувинцы, осетины; город, % к числу опрошенных)

Рисунок 2.
Мнение опрошенных о том, должны ли подчиняться правительству республик
(татары, якуты, тувинцы, осетины; город, % к числу опрошенных)

Рисунок 3.
Распределение ответов на вопрос: “Какие меры воздействия допустимы в отношении республик, заявивших о своем выходе” (% к числу ответивших)

Рисунок 4.
Проблемы, требующие, по мнению опрошенных, особого внимания
(татары, якуты, тувинцы, осетины; город, % к числу опрошенных)

Рисунок 5.

Соотношение гражданских и этнических интересов (Ответ на вопрос: “Какие проблемы требуют сейчас особого внимания?”) (татары, якуты, тувинцы, осетины; город, % к числу опрошенных)

[1] Holl J.A. Nationalisms: Classified and Explained Reconstructing Nations and States // Daedalus, 1993. Vol.122. N3.

[2] Исхаков Д. Неформальные объединения в современном татарском обществе. // Современные национальные процессы в республике Татарстан. Казань, 1992. С.11-17.

[3] Независимая газета 19.10.1993.С.1.

[4] Республика Саха. 2.03.1994. С.1.

[5] Подробнее о выборке см. Субботина И. Краткое описание выборки по проекту “НИК” // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М. 1994.

[6] Проханов А. Заметки консерватора. // Наш современник. 1990. N 5. С.90,91.

[7] Российская газета 18.01.1995. С.1.

[8] Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках Российской Федерации. // Информационный бюллетень. М.1994.Вып. 1. С. 10,17,24.

[9] Россияне. Столичные жители. М. 1994. С.9.

[10] Экономические и социальные проблемы: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. Интерцентр. 1994. N6. С.62.